

Кризис государственности как фактор глобальной безопасности

Евгений Ходаковский

Обозримую историю человечества можно с уверенностью назвать историей государств. На протяжении тысячелетий государство как властный институт оставалось непревзойденной структурой реализации самых разнообразных устремлений. В качестве механизма самоорганизации масштабных социальных групп оно постоянно наращивало свой потенциал и совершенствовало способы воздействия как на своих граждан, так и на другие государства. За это время было испытано множество стратегий развития государства и тактических приемов их реализации. Под воздействием разнообразных факторов государство претерпевало существенные изменения, но, несмотря на все трансформации, оставалось, по сути, основным действующим субъектом истории. Как долго еще продлится эта «государственническая» эпоха?

Современные глобальные проблемы ставят под сомнение историческую перспек-

тиву государства как монополиста в сфере властных отношений. Это закономерный результат нескольких исторических тенденций, одна из которых связана с развитием экономики в форме рыночного хозяйства. На протяжении XVII–XIX вв. государство отступало под натиском частного капитала. Триумфальное шествие буржуазных революций сопровождалось последовательным сужением сферы государственного влияния на механизмы управления и распределения. Либерализм, лозунг «свобода, равенство и братство» стали той тяжелой артиллерией, которая своим огнем поддержала наступление на компетенцию государства. Важную роль в антигосударственной идеологической кампании сыграли секуляризм и атеизм, требовавшие отделить церковь от государства. Десакрализация государственной власти привела к историческому краху монархий. Здесь уместно вспомнить концепцию «невидимой руки рынка» (А. Смит), оставлявшую за государством

только функцию «ночного сторожа». XX век разрушил последнюю властную монополию государства — монополию на легитимное насилие. Истощенные мировыми войнами, государства решились на кардинальное урезание собственного суверенитета и приняли идею надгосударственных институтов, претендующих на роль третейских судей не только в международных, но и частично во внутренних делах национальных государств.

Международные суды и трибуналы являются теперь той конечной инстанцией, к которой может обратиться гражданин любого государства. А экономические санкции, эмбарго и прочие инструменты «бескровных» войн, подкрепленные влиянием МВФ, Всемирного банка, ВТО и различных клубов кредиторов, действуют порой эффективнее и убедительнее, чем угроза применения ядерного оружия.

Таким образом, государство превратилось в один из элементов стремительно развивающейся *системы субъектов* глобальной значимости. В эту систему наряду с ним входят надгосударственные организации («*союзники*» государства), транснациональные корпорации и другие негосударственные, в том числе неформальные, организации («*конкуренты*» государства) и трансграничные преступные структуры («*противники*» государства). Остановимся подробнее на наиболее крупных надгосударственных структурах, таких как ООН, НАТО и ЕС.

* * *

ООН относится к числу наиболее авторитетных международных организаций, действующих на глобальном уровне. Обладая уникальной легитимностью и универсальным характером, проверенными возможностями мобилизации и координа-

ции межгосударственных усилий, ООН до недавнего времени играла роль единственного общепризнанного инструмента обеспечения международной безопасности.

Однако принцип «равенства прав больших и малых наций», провозглашенный в Уставе ООН, на практике так и остался декларацией. Дело в том, что основным источником средств для регулярного бюджета ООН являются взносы государств-членов. Размер этих взносов рассчитывается в соответствии со шкалой, определяемой Генеральной Ассамблеей и основанной, главным образом, на реальной платежеспособности государств. В соответствии с этой шкалой наиболее весомую часть расходов ООН приходится оплачивать лидерам модернизации (в частности, доля США составляет около четверти ее бюджета).

Механизм финансирования деятельности ООН подтверждает истину: кто платит, тот и заказывает музыку. Как писал в своей книге «Непокоренный: сага о США и ООН» бывший Генеральный секретарь ООН Б. Бутрос-Гали, «ООН представляет собой исключительную собственность единственной державы — США, которые с помощью запугивания, угроз и наложения вето манипулируют миром в своих интересах» [Boutros-Ghali 1999: 69].

Зависимость от США отчетливо прослеживается в функционировании таких входящих в систему ООН структур, как Международное агентство по атомной энергии (использовалось американцами как средство подготовки вторжения в Ирак и разработки сходных сценариев в отношении Ирана и Северной Кореи), Всемирный банк и МВФ, обладающие статусом специализированного учреждения ООН.

Бывший первый вице-президент Всемирного банка, лауреат Нобелевской премии по экономике за 2000 г. Дж. Стиглиц

считает необходимым радикально пересмотреть механизмы управления глобализацией, включая три его главных составляющих — МВФ, ВБ и ВТО, которые превратились в новые миссионерские институты по насаждению в мире идеологии свободного рынка. Стиглиц приводит десятки примеров провала попыток МВФ и ВБ оздоровить экономику стран «с узко идеологических позиций» [Стиглиц 2003: 69]. Жертвами рецептов «оздоровления» только в последнее десятилетие стали Аргентина, Боливия, Ботсвана, Индонезия, Иордания, Корея, Кот-д'Ивуар, Малайзия, Марокко, Мексика, Пакистан, Россия, Таиланд, Уганда, Чехия, Чили. По словам Стиглица, население этих стран относится к МВФ так, как будто речь идет о «чуме» или «Великой депрессии» [Стиглиц 2003: 124].

Либерализация по рецептам МВФ, которую в конце 1980-х – начале 1990-х годов навязывали странам Юго-Восточной Азии, «...была *единственным наиболее важным фактором, приведшим к кризису*» [Стиглиц 2003: 126]. Азиатский кризис 1997–1998 гг., спровоцированный МВФ, был сродни политике «разорения соседа» в годы «Великой депрессии» и нанес этим странам совокупный ущерб в размере 200 млрд. долл. Рекомендации МВФ по преодолению кризисных тенденций, являясь «великим предательством здравого смысла», приводили к противоположным результатам [Стиглиц 2003: 137], а для тех, кто ими воспользовался, обернулись «саморазорением». При этом, по утверждению Стиглица, «...МВФ не принимал участия в заговоре, но выражал интересы и идеологию западного финансового сообщества» [Стиглиц 2003: 162].

Подконтрольность ведущих международных организаций одной «супердержаве» ведет к снижению роли других государств как субъектов глобальной политики, что,

в конечном счете, ослабляет и сами международные организации. Ведь именно потенциал государств составляет основу деятельности надгосударственных структур. Размывание статуса государства как субъекта международных отношений привело к ослаблению роли ООН и ее важнейшего управленческого звена — Совета Безопасности (СБ).

Совет Безопасности ООН обладает прерогативой принятия решений о мирном урегулировании конфликтов, угрожающих международной безопасности, применении принудительных мер в случаях нарушения мира или совершения актов агрессии. Постоянные члены СБ в качестве субъектов глобальной безопасности обладают неоспоримым преимуществом перед другими странами, поскольку могут использовать право вето при принятии важнейших решений, в том числе при назначении Генерального секретаря ООН. Однако структура управления ООН, сложившаяся по итогам Второй мировой войны и в определенной степени оправдавшая себя в годы «холодной войны», сегодня вызывает нарекания как со стороны таких лидеров модернизации, как Япония и Германия, так и со стороны государств «второго эшелона» (особенно Индии и Бразилии), претендующих на постоянное членство в СБ ООН. Примечательно в этом отношении заключение коллектива японских политологов во главе с экс-премьером Я. Накасонэ: «Организация Объединенных Наций с момента своего возникновения служила трибуной для дискуссий, в которых принимали участие практически все государства, в том числе и представители “третьего мира”. К настоящему времени многое изменилось. Эта организация все больше теряет свое лицо и становится неэффективной» [Накасонэ и др. 1993: 260]. Заметим, обвинение в «потере лица» в Вос-

точной Азии равнозначно символическому смертному приговору.

Оригинальный рецепт реорганизации СБ ООН предложил французский социолог, антрополог и журналист Э. Тодд: «Требование места для Японии в Совете Безопасности определяется простым здравым смыслом. ...Ее экономические концепции, весьма отличные от экономических концепций англосаксонского мира, могут служить лишь противовесом, полезным всей планете. В том, что касается Германии, решение не столь просто, потому что европейские нации количественно уже и так слишком широко представлены в Совете Безопасности и не может быть речи о дальнейшем нарушении равновесия в результате предоставления им там дополнительного места. Франции представляется случай проявить понимание и предложить разделить свое место с Германией. Совместное с ней место будет гораздо весомее, чем сегодняшнее членство: франко-германская пара действительно могла бы реализовывать право вето» [Тодд 2004: 230].

После ряда неудачных операций ООН по поддержанию мира (например, в Сомали и Руанде в 1992–1993 гг.) Соединенные Штаты стали открыто выступать за то, чтобы передать решение миротворческих (прежде всего силовых) задач вооруженным силам НАТО. Впервые это было осуществлено в бывшей Югославии в декабре 1995 г., а затем еще дважды, в больших масштабах, в Ираке и в Косово. Бывший российский премьер Е. Примаков отмечал: «Администрация Клинтона, очевидно понимая всю шаткость с точки зрения международного права натовской интервенции в Югославии, пыталась представить ее не в виде противопоставления Организации Объединенных Наций, а чуть ли не как связанную с ООН. Вице-президент США

А. Гор уверял меня, в то время председателя правительства России, что бомбардировки Югославии якобы не противоречат Уставу ООН и «отражают ход дискуссии в Совете Безопасности» [Примаков 2002: 95]. По словам К. Аннана, в то время Генерального секретаря ООН, вмешательство в Косово региональной организации без ооновского мандата стало трагедией, бросило вызов всей послевоенной системе международной безопасности.

Сегодня усилиями США при поддержке Германии НАТО продолжает расширять сферу своей деятельности за пределы региона. Установка на действия «в глобальном контексте» была закреплена в новой стратегической концепции, одобренной членами НАТО в Вашингтоне в апреле 1999 г. В мае того же года японский парламент разрешил использовать армию и флот за рубежом для совместных операций с вооруженными силами США в случае «чрезвычайных обстоятельств в прилегающих районах». Это еще раз подтвердило серьезность намерений натовских стратегов действовать в глобальном масштабе. По мнению авторитетных японских экспертов, «...во всем Тихоокеанском регионе желательно договорное сотрудничество с привлечением к нему НАТО через посредство США и Канады» [Накасонэ и др. 1993: 197].

Противоречия между ООН и НАТО не только ставят под вопрос перспективы Организации Объединенных Наций, но и создают проблемы для будущего самого Североатлантического альянса. На институциональном уровне все большее значение в контексте проблем глобальной безопасности приобретают взаимоотношения НАТО–ЕС, которые, в свою очередь, во многом зависят от характера отношений между США, Германией, Францией и Великобританией. «Подлинное определение

Западной Европой отличного от американского «политического лица» произойдет тогда, когда все три «гранда» европейской политики — Германия, Франция и Британия — найдут основу для координации своих курсов, для совместных действий, для отчетливо выраженных совместных оборонных усилий, — считает российский политолог А. Уткин. — Видимым шагом в этом направлении было бы создание чего-то вроде трехстороннего европейского директората» [Уткин 2003: 283].

События в Югославии выявили несостоятельность европейской политики безопасности, не подкрепленной автономной, независимой от США системой военно-технического обеспечения. Это послужило дополнительным стимулом к развертыванию европейских сил быстрого реагирования (соответствующее решение было принято министрами обороны стран-членов ЕС в Брюсселе в декабре 2000 г.). Самый крупный в составе этих коллективных сил — германский контингент (13,5 тыс. человек, 93 боевых самолета и 20 кораблей). Вследствие этого за Германией закреплено большее число постов в командных структурах сил быстрого реагирования.

За последние годы у Евросоюза появились собственные военный комитет и центр обработки данных космической разведки. В перспективе — разработка собственной глобальной навигационной системы «Гелиос» и новой модели военно-транспортного самолета [Примаков 2002: 147–148]. «Наиболее амбициозным европейским проектом является план создания единой Европейской аэрокосмической оборонной компании (ЕАОК), в которую войдут французский «Аэроспасьяль», «Бритиш Эйрпейс», немецкий «Даймлер-Крайслер Эйрпейс», испанская «КАСА», шведский СААБ, итальянская «Финмеканика-Аления». Речь

идет о создании суперкомпании, производящей самолеты, вертолеты, космические корабли, управляемое оружие и другие военные системы» [Уткин 2003: 274].

Становление ЕС в качестве самостоятельного экономического центра влияния расценивается американскими политологами как начальный этап развертывания широкомасштабной конкурентной борьбы в политической и военно-стратегической областях. «Европа с возрождением военной мощи может превратиться в грозного соперника для Америки, — предупреждает З. Бжезинский. — Она не преминет бросить вызов американской гегемонии. Установить подлинно равноправное партнерство между двумя сверхдержавами будет отнюдь не просто, поскольку такая корректировка отношений потребует радикального сокращения преобладающей роли Америки и столь же радикального расширения функций Европы. НАТО перестанет быть союзом, руководимым Америкой, а может быть, и вовсе прекратит свое существование» [Бжезинский 2004: 124]. Примечательно, что еще в феврале 1990 г. госсекретарь США Дж. Бейкер в беседе с М. Горбачевым заявил: «Механизмом, обеспечивающим присутствие Соединенных Штатов в Европе, является НАТО. Если НАТО будет ликвидирован, то такого механизма присутствия США в Европе не будет» [см.: Примаков 2002: 231].

НАТО, по сути, — «смирительная рубашка» для Европы, механизм извлечения политических дивидендов за военное и экономическое покровительство в предыдущие годы. В настоящее время вклад США в бюджет НАТО (30%) сопоставим с затратами других членов: Германия — 20%, Великобритания — 15%, Франция и Италия — по 6,5%.

В комплексе взаимодействий ООН–НАТО–ЕС особое место занимают отно-

шения Запада и России, наиболее ярко проявившиеся в связи с расширением НАТО и ЕС на восток. В начале 1990-х годов западные державы поставили перед собой задачу держать под контролем образовавшуюся после распада Организации Варшавского Договора и СССР «ничейную геополитическую территорию», якобы, с целью предотвращения эскалации конфликтов на постсоветском пространстве. Примечателен в этом отношении прогноз Бжезинского, который он сделал еще в 2004 г. в книге «Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство» («The Choice: Global Domination or Global Leadership»): «Расширение как ЕС, так и НАТО будет продолжаться. С очередной его волной по мере отступления Востока и наступления Запада опасности, порождаемые наличием геополитически «ничейной земли», просто отодвигаются в восточном направлении. В то же время прогресс в отношениях Запада с Россией и ясно выраженное желание Украины примкнуть со временем к евроатлантическому сообществу не оставляют места сомнениям в преимуществах дальнейшей экспансии. Посему увеличение числа членов ЕС, который объединит к 2005 году 27 государств (после предполагаемого присоединения новых кандидатов), и НАТО, куда должны войти 26 стран (согласно постановлениям, принятым в конце 2002 г. на Пражском саммите), вряд ли ограничится этими цифрами» [Бжезинский 2004: 133].

События 11 сентября 2001 г. открыли принципиально новые возможности для взаимоотношений НАТО–Россия. Британский премьер Т. Блэр выступил с инициативой создания на основе членства России в НАТО единой общеевропейской системы безопасности. «План Блэра», поддержанный канцлером Германии Г. Шредером, основывался, в числе прочего, на заинтересованности

Европы в развитии экономических связей с Россией. Зависимость ЕС от внешних поставок энергоносителей, которая сегодня составляет 50%, а к 2020 г. по нефти, природному газу и углю достигнет 70–90%, во многом объясняет эту заинтересованность. В случае вступления в НАТО Россия превратилась бы в надежный, альтернативный непредсказуемому Ближнему Востоку источник энергоносителей для Европы.

Однако попытка создания общеевропейской системы безопасности была заблокирована, главным образом, благодаря усилиям Соединенных Штатов, не пожелавшим пойти даже на частичное ослабление своей монополярной власти в НАТО. Против вступления России в Североатлантический альянс выступили также «новобранцы» НАТО, вчерашние союзники СССР по Организации Варшавского Договора. Объяснимое с прагматической точки зрения стремление отмежеваться от «проигравшего» в перспективе может привести к трагическим последствиям. В условиях усиления Германии, умело прикрывающейся экспансией НАТО, жизненно важным девизом для лидеров восточноевропейских государств должны стать слова: «Помни о Мюнхене». Бундесвер — самая большая западноевропейская армия — впервые в послевоенный период приняла участие в вооруженных действиях в Европе (операция НАТО в Югославии). В 1994 г. Конституционный суд ФРГ разрешил использовать бундесвер в миротворческих операциях за рубежом, но только при наличии мандата СБ ООН. Известно, что операция в Косово была проведена без одобрения Совета Безопасности. И вопрос «кто следующий?» отнюдь не праздный.

* * *

Процесс формирования структур централизованного глобального управления

близится к завершению. Структура международных отношений интенсивно меняется, приспособляясь под этот тип управления. Изменениям подвергаются и региональные интеграционные механизмы. В этих условиях меняется и роль государства как объекта безопасности и субъекта политики безопасности: размывается его статус как основного субъекта международных отношений, снижается способность влиять на развитие политической и экономической ситуации в мире и регионах. *Несоответствие потенциала государства масштабу глобальных угроз его безопасности составляет основу современного кризиса государственности.*

Есть ли шансы продлить срок работы государственной машины? Как и при каких условиях можно усовершенствовать механизм государственного управления? Ответы на эти вопросы открывают путь к преодолению кризиса государственности. Но сначала необходимо разобраться в том, что представляет собой кризис как историческое и социально-политическое явление.

Понятие «кризис» сложное и неоднозначное. Существующие трактовки этого термина зачастую противоречат друг другу. Наиболее распространено отождествление кризиса с негативными процессами, возникающими в результате усиления деструктивных тенденций. При таком подходе по своему содержанию понятие «кризис» неоправданно сближается с понятием «катастрофа» [Шафаревич 2001: 3]. Вследствие этого утрачивается возможность выявлять отличительные особенности кризиса в сравнении с такими явлениями, как бедствие, деградация.

Важный вклад в изучение кризисных процессов внесли представители циклизма. В рамках данного научного направления

кризис рассматривается как этап в развитии социальных и природных систем, имеющий не только негативное, но и позитивное значение (на наш взгляд, второе даже несколько преувеличивается). «Для нас периоды кризиса и стабильности по меньшей мере равноценны, несмотря на то, что кризис может протекать и сто лет, а стабильность устанавливаться на столетия или даже на одно–два тысячелетия, — утверждает Э. Кульпин. — Именно во время кризиса формируются представления людей о мире и о себе, сердцевиной которого является система ценностей, идет сложный процесс установления основных параметров стабильного существования как природы, так и общества» [Кульпин 1998: 19]. В данной трактовке понятие кризиса отождествляется с понятием переходного периода [Яковец 1995: 71–74].

Более полно содержательную специфику понятия «кризис» удастся выявить с помощью инструментария теории систем и синергетики. «Приближение интегративных параметров системы к предельно допустимым значениям может порождать ситуацию *системного кризиса, когда дальнейшее существование системы оказывается под вопросом.* Здесь она вступает в зону бифуркации... ее будущее становится непредсказуемым. Под влиянием малейших флуктуаций, внутренних или внешних, она либо разрушится, исчезнет, — с ней произойдет *катастрофа*, — либо вернется в нормальное состояние, — в прежнем или в новом качестве» [Шабров 1997: 59]. Не останавливаясь на второстепенных деталях, обратим внимание, что для данного подхода характерно понимание кризиса как возможного преддверия катастрофы. Избежать катастрофы можно при благополучном изменении направления развития системы «в точке бифуркации», когда «происходит

изменение отношений личности и государства, понятий порядка, свободы, войны и мира и др. Идет напряженный поиск новой системы хозяйствования, новых технологий, соответствующих иной системе координат, иным представлениям о мире и о себе» [Кульпин 1998: 37].

Таким образом, кризис представляет собой специфический этап развития системы, на котором становится невозможным дальнейшее развитие в избранном направлении (бифуркация — это предел в установленном русле эволюции), и способность системы поддерживать свою жизнедеятельность зависит от определения нового пути развития.

Изучение влияния кризиса на безопасность государства требует своевременной оценки потенциала развития социальной системы и учета возможных последствий изменения вектора ее эволюции. При этом особую значимость приобретает выявление предпосылок генезиса кризисного процесса. Акцентируя внимание на социально-природных отношениях, Э. Кульпин выстраивает следующую схему формирования этих предпосылок: «Экспансия этносов, а также суперэтносов, протекающая вначале без *изнурения вмещающих ландшафтов*, при расширении ареалов хозяйственной деятельности после исчерпания рекреационных потенциалов природных комплексов, осуществляется за счет изнурения и деградации природных ландшафтов, что вызывает ряд явлений, связанных между собой преимущественно причинно-следственной связью. Сначала возникают хозяйственный, экономический кризисы, провоцирующие политический. За ними следуют культурный и идеологический» [Кульпин 1998: 36]. Предложенная Кульпиным схема — лишь один из возможных вариантов генезиса системного кризиса, но и она дает представление о сложности и масштабности этого процесса.

Эволюция государственности — неотъемлемая часть цивилизационного развития человечества. Особенности этого процесса обусловлены, наряду с временными параметрами, пространственными формами социально-исторического бытия. Поэтому его изучение требует учета не только закономерностей развития человечества в целом, но и специфических черт различных исторических эпох, народов и культур.

Теория многофакторности, которая разрабатывалась в прошлом веке философами и социологами М. Ковалевским, В. Сергеевичем, Н. Кареевым, П. Сорокиным и др., не утратила своей эвристической ценности и в наши дни. «История человечества не есть внутренне единый процесс, а совокупность целого ряда параллельных процессов, есть сумма историй отдельных народов, находившихся между собою в многообразных отношениях, — утверждал Н. Кареев. — Да и в истории каждого отдельного народа проявляется не одна какая-либо движущая сила, а действует великое множество таких сил» [Кареев 1915: 47]. Отечественные ученые, по сути, преодолели монистические трактовки понятия «цивилизация» и обосновали плюралистическую, многофакторную модель цивилизации, предполагающую учет не одной или нескольких доминант, а всей совокупности параметров. Каждая цивилизация, писал П. Сорокин, «...обладает свойственной ей ментальностью, собственной системой истины и знания, собственной философией и мировоззрением, своей религией и образцом «святости», собственными представлениями правого и недолжного, собственными формами изящной словесности и искусств, своими доминирующими формами социальных отношений, собственной экономической и политической организацией, наконец, собс-

твенным типом личности со свойственным только ему менталитетом и поведением» [Сорокин 1992: 22].

Концепции линейного прогрессизма основоположники цивилизационного подхода, начиная с Н. Данилевского, противопоставили систему собственных взглядов, суть которой можно сформулировать так: перед человечеством в лице различных и равноценных цивилизаций простирается целое историческое поле, которое предстоит пересечь в разных направлениях, и каждая цивилизация, проделывая свойственный только ей путь, решает задачи, поставленные перед всем человечеством, и вносит уникальный вклад в мировой исторический опыт. В данном контексте значимой представляется характеристика предшествующего этапа развития российской государственности: «...российский кризис не выводим из собственно национальных проблем жизнеустройства и не решается через те или иные варианты национального самоопределения. И в этом плане проблема скорее не в “интересах”, а в идеалах как базовых ценностях наднациональной общности, формируемой цивилизацией» [Ерасов 1996: 88–89].

Можно предположить, что у каждой цивилизации в определенный исторический период существует своя оптимальная траектория развития. Отклонение от этой траектории в силу внутренних или внешних причин ведет к кризису цивилизации и ее подсистем, включая входящие в ее состав государства. Кризис выявляет отклонения и приводит социальную общность к осознанию необходимости изменения направления развития. Кроме того, кризис обостряет зависимость безопасности государства от доминирующей в тот или иной период системы ценностей, от избранных целей и критериев развития, а также от способ-

ности государства корректировать их в зависимости от меняющихся исторических условий.

Американский политолог С. Хантингтон, изложивший основы своей концепции в статье «Столкновение цивилизаций?» (1993 г.), а затем в книге «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» («The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order», 1996 г.), утверждает, что «основными действующими лицами в мировой политике по-прежнему остаются национальные государства. Как и в прошлом, их действия определяются погоней за властью и богатством, но также и культурными предпочтениями, всем тем, что сближает или, напротив, разобщает их. Основные группировки государств больше не сводятся к трем блокам эпохи “холодной войны”; теперь речь идет о семи-восьми основных цивилизациях мира» [Хантингтон 1999: 532].

По мнению Хантингтона, в мире формируется порядок, основанный на отношениях между цивилизациями: страны группируются вокруг ведущих или центральных государств своей цивилизации. «В этом новом мире региональная политика осуществляется на уровне этнических отношений, а глобальная — на уровне отношений между цивилизациями. Соперничество супердержав уступает место столкновению цивилизаций. ... В формирующемся сегодня мире отношения между государствами и их группами, представляющими различные цивилизации, близкими быть не могут; напротив, зачастую они обречены носить антагонистический характер» [Хантингтон 1999: 533, 535].

Концепция Хантингтона, как и цивилизационный подход в западной политологии в целом, обусловлена сугубо прагматическими интересами. Теоретические конструкции

служат информационным оружием, с помощью которого под реализацию меркантильных устремлений субъектов политического управления подводится «онаученный» фундамент. Как заметил более десяти лет назад политолог А. Панарин, «...теория конфликта цивилизаций начинает работать на Западе как *“самоосуществляющийся” прогноз* конфликта между Россией и мусульманским миром» [«Цивилизационная модель» международных отношений и ее импликации 1995: 128]. В то время этот вывод мог показаться неожиданным, но последующие действия Запада в отношении России (в ходе чеченской войны, в борьбе с терроризмом в целом и в ситуации вокруг теракта в Беслане в частности) полностью подтвердили его справедливость.

Умозаключения Хантингтона — это, на самом деле, своеобразная интеллектуальная «разведка боем». Концепция «столкновения цивилизаций» давала возможность сформировать новые стимулы для мобилизации западных обществ, создать новый образ врага и наметить наиболее уязвимые места в позициях реальных и потенциальных соперников. В рассуждениях Хантингтона очевидны прагматизм и значительная доля цинизма: «Жестокие столкновения цивилизаций в Боснии, на Кавказе, в Центральной Азии или в Кашмире могут вылиться в более крупные войны. ...наиболее горячие точки расположены по демаркационным линиям, разделяющим ислам и его соседей с их православной, индуистской, африканской и западно-христианской традициями» [Хантингтон 1999: 533, 535]. Примечательно, что в списке «соседей» православным отводится первое место, а приверженцам западно-христианской традиции — последнее, хотя именно исламский мир является единственным субъектом мировой истории, целенаправленно

и успешно осуществлявшим экспансию как раз на западном направлении. И только совместно с православными мусульмане приобрели опыт векового межконфессионального сотрудничества в составе одного государства — Российской империи.

Тенденциозность предложенных Хантингтоном схем основывается на фундаментальной методологической ошибке или сознательном искажении: способность человеческих сообществ создавать локальные цивилизации на базе разных культурных традиций рассматривается в качестве основной причины современных глобальных и региональных конфликтов. В действительности же не цивилизации ведут войны и не культурные традиции толкают людей на преступления. «Недоцивилизация» и недостаток культуры приводят человеческий род к самоуничтожению, в том числе под влиянием околонучного конъюнктурного мифотворчества. В реальности «цветущее многообразие» (К. Леонтьев) сообществ различных локальных цивилизаций — это залог развития человечества, базис глобальной и региональной безопасности, условие успешного выхода из кризисных ситуаций.

Новый раздел мира на «своих» и «чужих» по псевдоцивилизационному признаку (Запад — не-Запад) предопределяет наибольшую вероятность реализации конфронтационной модели эволюции системы международных отношений. В соответствии с данной моделью ключевым направлением стратегии развития западных государств объявляется стремление «раздвинуть периметр центральной зоны мира на планете, облегчить поглощение России расширяющимся Западом и вовлечь Европу в совместные с Америкой усилия во имя упрочения глобальной безопасности» [Бжезинский 2004: 132].

В данном подходе глобальная безопасность отождествляется с наличием жестко

централизованной системы управления планетарного масштаба, исключающей возможность равноправных отношений между субъектами — представителями разных цивилизационных традиций. Выступая 10 февраля 2007 г. на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, В. Путин, в частности, сказал: «В международных делах все чаще встречается стремление решить тот или иной вопрос, исходя из так называемой политической целесообразности, основанной на текущей политической конъюнктуре. И это, конечно, крайне опасно. И ведет к тому, что никто уже не чувствует себя в безопасности. Я хочу это подчеркнуть: никто не чувствует себя в безопасности! Потому что никто не может спрятаться за международным правом как за каменной стеной. Такая политика является, конечно, катализатором гонки вооружений» [Путин 2007].

Примечательно, что среди слушателей российского президента оказался министр обороны США Р. Гейтс, который несколькими днями ранее, 7 февраля, выступал в Конгрессе с обоснованием бюджетного запроса на военные нужды (в 2008 финансовом году Пентагону выделяется 716,5 млрд. долл., в том числе 245 млрд. долл. на войну в Ираке и Афганистане). В числе прочих аргументов Гейтс назвал потенциальную военную

угрозу, исходящую от России, поставив нашу страну на первое место в одном ряду с Китаем, Северной Кореей и Ираном.

Очевидно, что рассчитывать на серьезное конструктивное сотрудничество с западными «партнерами» России не приходится. Не случайно в последние годы в ответ на в целом антироссийский курс западной внешней политики появляются альтернативные военно-политические и экономические коалиции с ее участием. Именно Россия, страна с более чем тысячелетней историей, обладающая уникальным интеллектуальным, ресурсно-технологическим и военным потенциалом, может сыграть роль связующего звена в создании коалиции государств — новых лидеров мировой экономики, способных конструктивно разрешать глобальные проблемы. По прогнозам руководителя отдела анализа мировой экономики компании «Голдман Саш Груп» Д. О'Нила, к середине нынешнего столетия группа БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) опередит по совокупному ВВП страны «Большой семерки» вместе взятые. Эксперты «Голдман Саш» полагают, что по объему ВВП Россия сможет обогнать любую западноевропейскую страну уже к 2030 г., Индия опередит Японию к 2035 г., а Китай превзойдет США к 2040 г. [Dreaming with BRICs 2006].

примечания

Бжезинский З. 2004. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. М.: Международные отношения.

Ерасов Б.С. 1996. О геополитическом и цивилизационном

устроении Евразии // Цивилизации и культуры / Редкол. Б.С. Ерасов и др. Вып. 3. М.: Институт востоковедения РАН. Кареев Н.И. 1915. Историология (Теория исторического процесса). Пг.

Кульпин Э.С. 1998. Восток. М. Накасонэ Я., Мураками Я., Сато С., Нисибэ С. 1993. После «холодной войны» / Пер. с япон. М.

Примаков Е.М. 2002. Мир после 11 сентября. М.

Путин В.В. 2007. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10.02: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/02/118097.shtml>

Сорокин П.А. 1992. Человек. Цивилизация. Общество. М.

Стиглиц Д. 2003. Глобализация: тревожная тенденция / Пер. с англ. М.

Тодд Э. 2004. После империи. Pax Americana — начало конца. М.

Уткин А.И. 2003. Единственная сверхдержава. М.

Хантингтон С. 1999. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.

«Цивилизационная модель» международных отношений и ее импликации. 1995 // «Полис», № 1.

Шабров О.Ф. 1997. Политическое управление: проблема стабильности и развития. М.

Шафаревич И.Р. 2001. Духовные основы российского кризиса XX века. М.

Яковец Ю.В. 1995. История цивилизаций. М.

Boutros Boutros-Ghali. 1999. Unvanquished: A US-UN Saga. N.Y.: Random House.

Dreaming with BRICs: The Path to 2050. 2006: <http://www2.goldmansachs.com/ideas/global-growth/dreaming-with-brics.html>